

Мария Головановская

Гласные

Не ешь ничего. Тогда и цветы, и бабочки, и легкое кружение разноцветных воздушных струй... Насекомые - те же цветы. Насекомые восхитительны, и сладкая песнь комара, и жаркое прикосновение его укуса.

Я не хочу учить тебя, детка. Двор наш с тобой опустел, никто не сплетничает на скамейках, никто не подзывает свистом отлучившуюся собаку. Я не хочу учить тебя, детка, неважно куда устремляется, убегает твоя мысль, пока ты слушаешь меня, разрывая квадрат на части, на треугольники и круги, обламывая края моих слов «очу чить бя», насекомые - те же слова, мы с тобой как-нибудь прогуляемся молча, а пока хотя бы взмахом ресниц дай понять «Говори, я слушаю тебя».

Ты говорила, что расстроена. Что уроки были скучны, а к обеду не подали сладкого. Гласные - восхитительны, гласные - те же бабочки, ты только послушай, как журчат они «а», «о», «е», «и», и как перекатываются в горле, хрустит и колется какое-нибудь никчемное «к», «х» на худой конец, нужно отпустить на свободу гласные, а не накалывать их на булавки, и тогда летний ветер будет шуметь в твоих ушах, и тогда словно восхитительным бисквитом будет смущать твое небо сама прозрачная их порода, редчайшей выдержки и марки... ты, конечно, целый день смотрела в окно, рисовала на парте чертиков, а твой сосед-шалопай несколько раз ущипнул тебя за ногу, видя, что ты не решаешь примера и не слушаешь учителя, а смотришь в окно. Так было, детка, так? Ты сказала ему громко «Дурак», так было, ну скажи, так, а он помял твою тетрадку, и вас выгнали. А что вы делали потом? Вы пошли гулять или вы гуляли отдельно и подсматривали друг за другом? Ты вернулась домой после шести, и именно поэтому тебе не дали сладкого, в наказание, поверь мне, это было наказание, так всегда наказывают детей, им не дают сладкого, но ты ведь не плакала, ты ведь не расплакалась, я вижу по твоим глазам, что ты удержалась, сжала под столом ручку в кулачок, дай мне подержать тебя за руку, вот так, вот так, спасибо, милая, ты молодец, детка, хоть тебе и грустно теперь, удержишься, не шь ничего, насекомые те же цветы, вот послушай...

Мы пойдем с тобой за грибами. Ты права, и жара, и мухи, и комары, в раскаленном бору дышится отнюдь не легче, и мухи в сладком воздухе липнут к влажным щекам, а мы, если захочешь, останемся дома, дождемся дождя, посадим на грядке, под окном, у березы Горох-Изумруд, Карла Вильгельма Второго, гордичку астру, или морского петуха, если только это не рыба, мы с тобой дождемся дождей, замотаемся в промозглые, продрогшие облатки и отправимся на болота, я покажу тебе настоящие болота, детка, я знаю, ты расстроена, милая, ты готова нагрубить мне, что подделаешь, всякий корчится, когда первое чувство запускает руку в потроха, перебирает их как струны, неужели уже мальчик-кучер стегает коней, и голова твоя наполнилась скрипом, скрипом и дребезжанием?! Гласные восхитительны, детка, воздух из легких выходит свободно, не натываясь ни на какое препятствие, губы, губки вытягиваются в трубочку, округляются, и язык не напряжен, он отдыхает, и что бы тебе ни пришло в голову, искупаться ли в птичьей крови, вывалиться ли в лебяжьем пуху, гласные выведут тебя на поверхность, поднимут тебя в воздух, что же учитель записал тебе замечание, изругал бедняжку? Не сердись на учителей, девочка, они никогда не целуются, никогда, а тебе я скажу вот что: «Когда целуешься, не вставай на цыпочки, не вытягивай шею». На столе лежит книга, принеси ее.

Вот что здесь написано: «Он был плохим любовником. В постели он увлекался книгой, которую брал в руки, казалось, всего на две-три минуты, на прогулке внимание его занимали птички, кормившиеся у скамейки крошками, в кино его целиком поглощали

перипетии фильма. Он сам недоумевал, не мог понять, почему столь желанный его сердцу образ сразу же начинал таять, как только обретал реальность, куда исчезал огонь, куда улетучивалось нетерпение, столь терзавшее его, пока объект его страсти отсутствовал», - слушай, детка, слушай, тебе будет полезно знать эту историю, ведь ты уже не девочка! - «молодой человек был хорош собой и опрятен», - кстати, детка, запомни, когда юноша идет на свидание, он всегда прихорашивается, как барышня, но это ничего не значит, если хочешь знать, каков он на самом деле, подгляди за ним потихоньку, - «он легко нравился женщинам, они влюблялись в него страстно и даже самозабвенно, но молодой человек», - а ты, малышка, тебе уже приходилось влюбляться в кого-нибудь страстно, скажи мне правду, детка, ты ведь уже целовалась, не так ли? Я по глазам твоим вижу, что целовалась, и потом у тебя губки обветрены, шершавые такие, воспаленные, ты очень скрытничаешь, вот что, но я не осуждаю тебя, я сам был таким, сам был таким - «уже неоднократно замечал, что как только добивался женщины, начинал видеть ее словно через стекло, и чем большее происходило сближение, тем больше замутнялось это стекло, он уже даже начал подозревать», - а ты, детка, наверное, тоже читаешь перед сном что-нибудь, расскажи мне, что ты читаешь, ты держишь книжку под подушкой, я знаю, ты, наверное, просто не хочешь, чтобы знали, что именно ты читаешь, ты по секрету обмениваешься книгами с подружками, щечки твои горят, когда ты читаешь слишком откровенные сцены, гласные выпрыгивают из слов, переливаются, заставляя строку сверкать, источать тепло, мы не будем с тобой читать, в этих историях - ни слова правды, поверь мне, давай лучше посмотрим вот это. Смотри! На заднем плане, в окне - пейзаж, поле, пахарь вспахивает на волю землю, - ты знаешь, кто такой вол, детка? - но это совсем далеко, видишь никто из тех, кто находится в комнате, и не смотрит в окно. Потом стоят вельможи, они в странных больших разноцветных беретах, один показывает куда-то рукой. Дальше, вокруг трона, - это трон, детка, на троне сидит королева, - стоят женщины в бордовых и голубых платьях, на лицах их испуг, все они смотрят на поднос, который держит в руках молодой человек с медными волосами и юношеским пушком над верхней губой. Юноша опустил на одно колено, а на подносе у него - отрубленная голова, видишь, детка, лицо серое, глаза закатились, а из горла еще сочится кровь и видны сосуды - под белой кожей в синих сосудах красная кровь, - королева изумлена, она хочет встать, приподняться, протягивает руки, или вот еще. Смотри, сядь поближе, тебе так плохо видно, иди сюда, иди, смотри, девушка, смотри, какая она бледная, только на щеках чуть-чуть румянец, и глаза опущены, пухленькая какая, смотри, и ручка белая, мягкая, и ножки, наверное, крошечные, видишь, из-под подола виден только крошечный бархатный носочек ее туфельки, смотри, волосы с рыжинкой, но все они убраны, зачесаны, ты посмотри, как он смотрит на нее, заглядывает ей в глаза, а она осторожно, смотри, как осторожно, как робко, как нежно касается рукой его единственного рога, посмотри, как он напряжен весь, он почти что лежит, но не совсем, он смотрит ей в глаза, и ждет, и алчет, чтобы она взяла покрепче его единственный рог, провела по нему рукой, видишь, он похож на коня, да, детка? у него рыжая шерсть на боках, говорят, он никому до этого не давал дотронуться до своего единственного бесценного рога, а только ей, а ты, детка, ты ведь тоже, как и он, никому не даешь прикоснуться к себе, ну скажи мне нет? нет? нет?

Яблоки, груши, слушай, детка, не те зимние груши с деревянными телами, которые продают восточные люди в больших городах, нет, яблоки, груши, сливы, гроздь винограда, спокойно лежат, покоятся, парят в толстой керамической тарелке, или грибы в лукошке, белые, со вздувшимися словно отечными ножками и жесткой пористой шляпкой, вспомни, детка, шевельнись, а вишни, вспомни, как выглядят вишни с мутно-бордовым соком внутри, прозрачные до такой степени, что видна на просвет косточка, так и ты, на просвет косточка,

и я вижу, как сок течет по щекам твоим, скатывается с подбородка, шевельнись, детка, дай дотронуться до тебя, дай почувствовать твоё тепло...

Я знаю, когда ты просыпаешься, ты любишь поваляться в постели. Конечно, когда тебе нужно идти в школу, ты вскакиваешь, наспех одеваешься, наспех ешь. Но в другие дни, в каникулы, например, ты не спешишь вставать. Ты потягиваешься под одеялом, смотришь, как в густом потоке солнечного света копошатся пылинки, следишь глазами за мухами, танцующими под потолком, ты слышишь шевеленье за стеной, знаешь, что мама встает первой, вот уже и ее шаги слышатся, легкие, шаркающие, ведь у мамы тапочки без задников, так, детка? потом отец садится на кровати, голос отца просит маму принести ему халат из ванной, сначала шаги, потом голоса, и ты улавливаешь в бессвязном шуме этих голосов твоё имя, ты знаешь, что тебя придут будить к завтраку, и ты притворяешься спящей, так, детка, так? ты переворачиваешься на живот, обнажаешь лопатки, свешиваешь одну руку, ведь она у тебя теперь уже достаёт до пола. Ты ждешь, что сейчас тебя придут будить, стараешься лежать неподвижно, дышать потише, ты жадно ловишь звук приближающихся шагов, скрип открывающейся двери, я тоже узнаю всех по шагам, и тебя тоже, детка, когда ты поднимаешься ко мне, у меня нет ни малейших сомнений, что это ты, я жду тебя, я узнаю по шагам и твою маму, когда ты уходишь, я долго еще потом слышу твои шаги, еле уловимые, почти прозрачные, от плоского калбучка на потрепанных белых босоножках. Тебя уже нет, ты ушла, детка, и только звук, тающий, рассыпающийся, колеблющийся на грани «есть-нет»...

Ну вот, детка, ты сидишь за завтраком, сонно трешь глаза, вяло ковыряя вилок разомлелый сырник, ты скучно глядишь перед собой, после завтрака отец примется неумело заплетать твои косички, или это делает мама? ты каждый день вплетаешь в косички разные ленточки, голубые, желтые, розовые, и волосы твои пахнут травой или солнцем, наклонись, дай я понюхаю, смотри, руки мои стали серыми, рябыми, а твои - розовые, мягкие, молочные, с нежными голубоватыми сосудами под кожей...

Хочешь, малышка, я подарю тебе что-нибудь или пообещаю? Хочешь? Может, ты нуждаешься в чем-нибудь? Нуждаешься, а от родителей скрываешь? Отец, наверное, сурово с тобой обходится, балует, конечно, но если что... Скажи мне, отец тебя шлепал когда-нибудь, детка? Бил, наверное, ремешком по розовой попке, но не сильно, не сильно, а ты, признайся, детка, ревела небось, а потом мама его ругала, говорила ему, что тебя уже бить нельзя, что ты уже девушка. Я ведь не ошибаюсь, ты ведь девушка уже, ну признайся, не красней, не надо, какая во мне опасность для тебя?

Я знаю, чужие слова имеют запах, и мои слова для тебя тоже пахнут. Так же как эта комната, так же как и моя одежда. Вроде бы каждый дом пахнет пищей, пылью, мебелью, но это не так. Это запах согласных, нестерпимая вонь их плоти, и очень редко в воздухе витает еле уловимый аромат гласных, их тихий, еле заметный отблеск. Плоть обезображивается, гласные неизменны. Гласные - это музыка. Помнишь, несколько лет назад ты была совсем еще цыпленком с цыпками на руках, ножки у тебя были как спичечки, и все тело твоё покрывал божественный золотистый пушок. Зябко тебе было, бедняжке, когда мама купала тебя, терла спину мочалкой, а потом отец бережно заматывал в простыню и нес в постель. Но теперь ты уже совсем девушка. Плоть твоя налилась соками, и хочется, ох как хочется, почувствовать на губах эту росу, прикосновение этих волшебных лепестков, в которые превратились твои губы, почувствовать или хотя бы увидеть яркое пламя твоего язычка... Плоть... как башмак, то велика, то давит, тебе удобно в тебе самой, скажи мне, детка, когда ты выпрямляешь руку, ты чувствуешь, что она послушна тебе и тепла, ты чувствуешь в ней силу и мягкость движений, ты сидишь сейчас совсем неподвижно, ты напряжена, ты сплошная мышца, это твоя плоть защищает тебя от меня, но когда ты идешь по улице,

вспомни! когда ветер гладит тебя по голове, а солнце смазывает лицо загаром, вспомни, как она, твоя плоть, удобна тебе, я вижу это, я знаю, я чувствую.

Совсем другое дело, детка, когда внутри тебя заводятся согласные, ты чувствуешь, как разрастается этот огромный шершавый каменный остов, как устремляется ввысь, прорезая тебя вдоль, насквозь, стрельчатая башня, противясь твоему движению и теплу, препятствуя проникновению света и воздуха, ты начинаешь чувствовать тогда, что состоишь из мяса и тканей, а не из тех чудных нитей, на которых плодоносят фантастические воздушные струи, гладь и белизна, ты ослепительна, ослеплена собственным же цветением, ты прекраснее бабочки и молчаливее ее, мысли твои - мелькание крыльев, но в глазах твоих, обращенных на меня, скука и холод, и это лишь оттого, что цветение обломало слишком тяжелые ветви, цветы твои тяжелее плодов, и у твоей прелестной груди нет иного выхода, кроме как целиться соском в мой зрачок, я вижу твои розовые с белыми оконечностями соски сквозь шерстяную вязаную кофту, сквозь полупрозрачную белую блузку, на которой, кстати сказать, не хватает верхней пуговицы, и торчит лишь беспомощная белая ниточка, вот она, твоя пуговица, возьми ее, вот она.

Милая детка, нам с тобой не остается ничего, кроме слов. Слов, начиненных согласными, смертью, тяжестью каждого шага, кладущего слово за словом, замуровывающими меня как узника в крепости фраз, слов, абзацев. Посмотри: стол, стул, лампа, кресло, в котором ты сидишь, поджав ноги и спрятав сжатые кулаки под мышки, смотри, окно, штора, потолок с круглым световым пятном от лампы, чашка холодного чая, а из звуков, что выберем мы с тобой, из звуков к этим тяжеловесным наполнителям, ничего, запомни, я мечтаю о том дне, когда совсем перестану занимать место, узурпировать его, сольюсь с этим световым пятном, с этим солнцем на облепленном известкой небе, и ты будешь смотреть на меня, подняв голову, ты будешь махать мне рукой, и сделаешься опять совсем маленькой, как зародыш, как почка, как точка или запятая.

Бокс, детка, бокс! Переключаешь программу и видишь - бокс. Черный и белый, черный гигант и белый переросток, кажется, должны существовать еще синие, зеленые и фиолетовые, красные и перламутровые, если существуют эти двое, блестящие от пота, вытирающие огромными кожаными кулаками на шнуровках тоненькие кровавые ручейки из носа, брови, губы, они поражают сочленениями, мослами, замыслы пускают корни, словно ледяные струи проскальзывают в мозг, когда смотришь на них, рука распрямляется, как пружина, как механизм, разминая плоть о кости лица, до синяка, до кровотечения, которое сладко проглатывает мягкое покрытие ринга, замыслы кружат голову, когда смотришь на убивающих друг друга мужчин в идеально пружинящей обуви, будто в одном часе, в одном дне, как в зеркале, отражаются все перспективы будущей жизни, и возбуждение по сосудам и мышцам передается мыслям, и ты видишь картины...

Тебе, конечно, детка, никогда не приходилось видеть, как мужчина занимается женщиной, как вначале медленно и даже плавно он словно в танце описывает вокруг нее круги, круг за кругом, выписывает узор за узором, то вращается в пачке на носке, делает фуэте, то отходит в дальний край сцены, оставляя ее одну под прожектором, беспомощную или нежащуюся в жестких лучах, он старается отодвинуться как можно дальше, чтобы увидеть ее, уже принадлежащую ему, с максимально далекого расстояния, ощущая напряжение, все растущую силу, жажду сокращения этой растянутой до предела мышцы, чтобы затем, спустив курок, расстегнув последнюю, висящую уже на хрипящей нитке пуговицу, сорваться с места и в момент сократить расстояние, слиться, как сливаются страстно и хрустко на долю секунды перчатка и уже десятки раз переломанный нос, чтобы увидеть края расползающейся раны, закатывающиеся глаза... Мы с тобой никогда не были в кино, детка, и это жаль, мы могли бы с тобой обсудить многое из того, что происходит за кадром, причудливую работу толстяка режиссера, педанта-оператора, актрисулины подвиги,

благодаря которым появилось на свет несколько кинематографических шедевров местного значения, конечно, но все же взлеты, и разговоры, и сплетни, и рукопожатия. Мы с тобой когда-нибудь обязательно пойдем вместе в кино, договоримся заранее, ты купишь билеты, только подальше, на задние ряды, мы встретимся с тобой у моего дома, я возьму с собой зонтик, чтобы в случае чего дождь не мог помешать нам, ты возьмешь меня под руку, и мы отправимся не спеша, мы будем часто останавливаться и обсуждать все увиденное: птиц, людей на скамейках, их одежду, обрывки услышанных фраз, а потом после фильма ты пригласишь меня к себе на чашку чая, я сяду верхом на стул около твоего небольшого письменного столика, буду рассматривать твою комнату, книжки, лежащие на столе, мелкие девичьи предметы на тумбочке у кровати, мы будем тихо с тобой беседовать под последние неслышные стоны бабочек, с крыльями неопишуемой красоты, шепот растений, отдающих последние капли своей влаги пожелтевшим страницам старых ненужных книг, на каждой из которых пресс - кувшин, камень, маленькая гантеля.

Насморк и скрип, кашель и клокотанье, своего рода приглушенное бульканье, - вот что остается мне, детка, но я мечтаю, слышишь, я мечтал бы увидеть, как ты приведешь в дом полуденного жеребца и, обвив руками его сильную шею, нагло, залившись краской от собственной внезапно обнаглевшей свободы, поцелуешь его жарко на глазах у онемевших и выцветших родителей. Вы будете сидеть, часами запершись в твоей комнате, напряженно вслушиваясь в столь хорошо знакомые тебе родительские шаги, скажи, детка, а мама твоя знает, что ты сейчас у меня? ты рассказываешь ей, как мы проводим время вместе? но потом тебя словно волна захлестнет и ты поцелуешь его на глазах у превратившихся в желтый пластилин родителей, вы забудете закрыть глаза, и в его глазах ты увидишь изумление и испуг, а до этого в твоей комнате он будет гладить тебя уже совершенно отделившейся от него рукой, он будет касаться твоих коленей, спины, живота, груди, а ты застынешь как статуя, ты покроешься тонкой цепящей мраморной оболочкой, холодящей и эту хаотично снующую змеобразную руку, ты будешь сама подглядывать за собой, и картинка эта будет скорее интересовать тебя, чем трогать.

А что родители, детка, как поживают твои родители? Небось уже мешают тебе, раздражают своими чересчур пристальными подглядывающими взглядами, излишне цепкими вопросами? Эта скорлупа уже тесна тебе, детка, ты, признайся, мечтаешь уже о том, чтобы вообще не чувствовать ее, остаться одной перед зеркалом, обнаженной во весь рост, не спеша разглядывая, вглядываясь, изучая малейшие оттенки и изгибы, пробуя на ощупь, на вкус собственную же кожу, запах ее, ты будешь разглядывать себя долго и пристально, может быть, так же как я сейчас разглядываю тебя, чувствуя, что силы мои покидают меня и уходят к тебе...

Город наш опустел, детка, ты сама видишь, много пустых скверов, пустых домов. Собаки расплодились до чрезвычайности, они целыми стаями лениво греются на солнышке, осторожно, гуськом перебегают дорогу, только они еще, похоже, и живут здесь, все умирает вместе с тобой, детка, все останавливается, и в газетах уже давно пустые полосы, белая бумага, на которой можно рисовать голубей, писать письма. Изредка из-за окна вытягивают свои длинные шеи звуки, гудки машин, разрозненные человеческие голоса, марки стали плохо приклеиваться к конвертам, все время отклеиваются края, яблоки я больше совсем не ем, так они и остаются лежать на тарелке, пока не сгниют, и я потом долго еще с каким-то странным упоением любуюсь их бурой кожей в белых гнилостных пупырышках, возьми на столе конверты, и подпиши их мне, оставишь их потом прямо там, на столе, а сейчас иди, не надо, не целуй меня, иди себе, я совсем уже сплю. Совсем.